

АНТИКВАРКИ

Борис Ихлов

Что происходило с Шекспиром в те годы, угодил ли он в опалу к королю, отвернулись ли от него друзья, получил ли он отказ в сватовстве – неизвестно, поскольку вообще мало что известно о судьбе великого драматурга, кроме дат написания им своих произведений. Известно лишь, что в 1604 году, когда в театре «Глобус» была поставлена драма Шекспира «Отелло», эпоха гуманизма, веры в разум, свою отвагу и силу, когда личности становится центром, а церковь отстывает – клонилась к закату. К тому же времени относятся другие самые значимые творения поэта: «Гамлет» (1601), «Король Лир» (1605), «Макбет» (1605), «Антоний и Клеопатра» (1606), «Тимон Афинский» (1608). По этой причине данный период литературоведы называют периодом «уныния» Шекспира.

***

Для советского зрителя драма послужила источником шуток, анекдотов и сравнений. Нелепица, если из-за измены каждый раз душить, да еще приказывать убить друга. Театральная поза, напыщенность, неправда.

Отелло – монумент ревности, хотя Пушкин отмечает: «Отелло от природы не ревнив — напротив: он доверчив».

Но и доверчивости нет в Отелло: едва забрезжила надежда, что Дездемона невинна, он готов отбросить всё свое доверие к Яго. Мы увидим: нет доверчивости у Отелло.

Шекспир сохранил архаичность греческой драмы, но не ее цельность и лаконичность.

Дездемона бежит от отца – но причины неизвестны, Отелло ставит своим заместителем не умеющего воевать слабохарактерного Кассио вместо умелого Яго, который «показал себя и на Родосе, и на Кипре, и в других землях, христианских и языческих» – причины тоже неизвестны. Смысл разорван, вероятно, в том числе из-за того, что Шекспир использовал чужой сюжет - произведения Джиральди Чинтио «Венецианский мавр». То есть, это произведение подразумевалось, было известно, как и сходный сюжет об украденном предмете жены в доказательство её неверности в «Рассказе о трёх яблоках» Шахерезады из цикла «Тысяча и одна ночь» - что освобождало от необходимости повторять детали.

На театральность накладывается ряд условностей, неизвестных зрителю. Яго говорит о себе:

«Уродливое лицо подлости становится зримым только на деле». Зритель не знает, что Яго в данный момент исполняет роль хора в древнегреческой драме.

Дездемона сбегает к любимому Отелло. Детали такого поступка в данном случае неинтересны, сам факт говорит о том, что Отелло и Дездемона – двое, это горячий союз. Ей чужда ее семья, ему – Венеция, где он лишь наёмник, с ним считаются только потому, что он нужен для войны.

Так можно было бы судить, если бы не разъяснение самой Дездемоны:

Отец, я вижу — здесь мой долг двоится:
Вы дали мне и жизнь и воспитанье;
И жизнь и воспитанье мне велят
Вас почитать; мой долг подвластен вам,
Я ваша дочь всегда; но здесь — мой муж,
И долг, велевший матери моей
Предпочитать вас своему отцу,
Я так же вправе исполнять пред Мавром,
Моим главою.

То есть, нет никакого объяснения тому, почему именно сбежала от отца.

Нелепостям произведения соответствуют нелепости трактовок, например, концепция американского ученого Элвина Кернана, Колридж говорит о «немотивированной злой воле» Яго и т.д.

Экранизация Юткевича на «Мосфильме» 1955 года - откровенно слабая, слабый актерский состав (Сергей Бондарчук, Весник – еще не стали знаменитыми), много бутафории, плюс нестыковки. В фильме Яго убивает Родриго, но Шекспир отмечает, что Родриго только «казался мертвым».

Непонятен и ранг действующих лиц, в том числе из-за перевода. В тексте Яго назван «ancient», в дословном переводе – «старший». Комментаторы поясняют это слово эквивалентом – «знаменосец». (Таково было и первоначальное значение русского слова «прапорщик».) Знаменосец главнокомандующего - немаловажный пост, что-то вроде главного адъютанта командующего, исполнителем его поручений. Знаменосец занимал в армии следующий по важности пост после заместителя (лейтенанта) командующего (генерала). В 3-й сцене второго действия Монтано говорит, осуждая Кассио за мнимый порок пьянства: "Очень жаль, что благородный мавр вверил такой пост, - как пост второго после него лица (his second), человеку с таким закоренелым пороком", поясняет М. М. Морозов («Анализ трагедии "Отелло" по ходу действия»).

Дездемона-Скобцева любит Отелло-Бондарчука как-то схематично, Бондарчук точно увидел ее, потому и дал ей роль Элен Курагиной в «Войне и мире».

В чем суть произведения?

Сегодня скажут: отношение поэта и толпы.

Но Шекспир – не перестроившийся из советских в российские литератор.

И кто сказал, что именно мировосприятие обывателя второй половины XX века – эталон, а не мировосприятие участников драмы?

Русская литература с маниакальным упорством предлагает читателю подобные сюжеты: «Драма на охоте» Чехова, «Крейцера соната» Льва Толстого, «Бесприданница» Островского, «Маскарад» Лермонтова, «Приваловские миллионы» Мамина-Сибиряка. В романе Достоевского Рогожин убивает Настасью Филипповну, целая уголовная картотека, Запад отстает, можно упомянуть разве что «Кармен» Проспера Мериме. Медея отравила Креонта, отца Ясона, но не Ясона, или сожгла соперницу Главку – но не Ясона. Гера убила детей Ламии, потому что Ламия прекраснее ее, но не саму Ламию. Сегодня в список добавили бы триллер «Талантливый мистер Рипли» Патриции Хайсмит, такова эпоха. Любопытно, в «Драме на охоте» редактор, не любивший, не знающий измены, смеет осуждать Камышева, как венецианский дож – Отелло. «Усните, вам снятся осады Бастилий и стены гостиниц, где вы не гостили...» Замок Отелло расположен на Кипре, в Фамагусте.

Отец Дездемоны Брабанцио говорит: «Ибо, если давать свободный пропуск таким поступкам, руководителями нашего государства станут рабы и язычники». Язычник – не древний грек, а дикарь, т.е. чернокожий. Брабанцио умирает, не в силах перенести позор брака дочери с чернокожим. Но Отелло – не раб, он «получил жизнь и бытие от людей царского рода». Кроме того, в период написания драмы рабства в Англии не было. В конце XVI века архивы церкви святого Ботольфа в лондонском Олдгейте упоминают 25 чернокожих африканцев. Они были полноправными членами общины, свободно вступали в браки с англичанами. В 1599 г. англичанин Джон Кэтмен взял в жёны «чёрную женщину» Констанцию, чуть позже «мавр-христианин» Джеймс Каррес женился на английской служанке Маргарет Персон.

Первая попытка начать обмен живших в Англии африканцев на англичан, попавших в плен к испанцам, окончилась ничем. В 1601 г. королева Елизавета издала указ, упоминающий «большое количество негров и чёрных мавров (Negroes and Blackamoors), оказавшихся в королевстве после начала войны Её Величества с королём Испании», которые содержатся английскими властями «к досаде собственного населения». Но и вторая попытка обменять бывших негритянских рабов испанцев на пленных англичан провалилась. Трансатлантическая торговля чёрными рабами началась лишь в 1619 году, через 15 лет после постановки «Отелло».

Нераскрытым оказывается и этническое происхождение Отелло.

Маврами называли в средневековой Западной Европе мусульманское население Испании и части Северной Африки - арабов и берберов, захвативших эти территории в ходе второй волны арабских завоеваний.

Возможно также, что прототипом Отелло был итальянец по имени Маурицио Отелло. Он командовал венецианскими войсками на Кипре с 1505 по 1508 год и потерял там свою жену при крайне подозрительных обстоятельствах.

Однако маврами в Англии той эпохи называли всех чернокожих. Родриго называет Отелло «толстогубым», мусульмане-тюрки не отличаются толстыми губами, к тому же Отелло – христианин. Есть версия, что Отелло – эфиоп. Как и Пушкин.

***

Что же такое Дездемона?

По признанию английских литературоведов, пишет Морозов, Дездемона не лишена склонности к обману, например, в отношении отца. Но мы понимаем, что в данном случае эта оценка неверна, Дездемона и не думала обманывать, просто по неведомым причинам, не сказав ни слова, от него сбежала. Оценка верна в другом случае: когда Дездемона обманывает Отелло. Отелло ей «тревожной жизнью полюбился», она ему - «горячностью души».

Но никакой горячности души у Дездемоны, хотя она бежит от отца – нет. Ее слова, обращенные к Кассио:

... Эмилия свидетель —
Ты будешь восстановлен. Клятву дружбы
Я соблюдаю до конца. Я мужа
В покое не оставлю; приручу,
Мешая спать; замучу разговором;
Я в школу превращу его кровать,
А стол — в исповедальню. Дело Кассио
Припугаю ко всем его делам.
Поэтому будь весел. Твой ходатай
Скорей умрет, чем бросит хлопотать.

Насколько в своих уверениях она предпочитает Кассио мужу. Замучить разговором! Кто перед нами – женщина, любящая Отелло, или склочная баба?

Отелло просит ее перенести разговор о Кассио, но Дездемона по-козлиному упрямо тычет и тычет ему вопросом, когда именно. Наконец, Отелло соглашается принять Кассио когда угодно – только бы не досаждала большой темой, и просит: «Дай мне побыть немного одному».

Добившись своего, Дездемона тут же легко упорхнула: «Ты хочешь так? Пусть будет так. До встречи». Ей всё равно, что переживает Отелло в данную минуту. Почему просит дать ему побыть одному, неинтересно, она обеспокоена только своим.

Чем отягощен Отелло? Он вынужден отставить друга, друг растоптал святое – нарушил воинский долг. Его возлюбленная, душа в душу – ничего не придумала лучше, как просить возлюбленного в следующей манере:

Синьор мой, если я
Способна просьбой тронуть вашу душу,
То вы его немедленно простите;
И если он не любит вас сердечно
И не случайно прегрешил, а злостно,
То я не разбираюсь в честных лицах.
Верни его, прошу.

Подумаешь, человека убил, экая мелочь. Ведь не злостно. Согласно УК РФ непредумышленное убийство путем наезда на автомобиле – до 5 лет, в пьяном состоянии – до 12 лет, в данном случае – предумышленное, шпагой. Но «любит сердечно» зрителя Михаил Ефремов, простите артиста! Так ведь Отелло знает, что Кассио честен, он говорит об этом Яго. Дело-то в другом! Дездемона же будто состязается с дьяволом:

Я прошу
Не более, чем если б я просила,
Чтоб ты носил перчатки...

Несчастный Кассио – что перчатки, и ради этой безделицы – «замучить разговором».

- Не суй нос не в свои дела, курица! - Но на дворе 1604 год. Условности довлеют над разумом, эпоха Ренессанса – на излете.

Отелло еще не в силах осознать, что это. Его богиня не только его не понимает, она хочет, чтобы он изменил долгу, будто неодолимо наваливается чугунная плита, единственно, что возможно – бежать, просить дать ему побыть одному.

Вот этот момент в душе Отелло, как и порхание Дездемоны, точно отражен в фильме Юткевича.

В беседе с Эмилией Дездемона не верит в то, что жёны способны изменять своим мужьям. Он глупа? Родриго говорит не только о ее красоте, но и уме. Однако Дездемона даже не в силах оценить парадоксы судьбы, которые рассыпает перед ней моряк Яго:

Дездемона

О тяжкое скудоумие! Наихудшей ты воздаешь наилучшую хвалу. Но какое восхваление ты уделишь женщине действительно достойной, такой, которая, во всеоружии своих заслуг, вправе принудить само злословие свидетельствовать о них?

Яго

Та, что прекрасна и не горделива,
Остра на язычок, но молчалива,
Богата, но в нарядах осторожна,
Глушит соблазн, хоть знает: "мне бы можно";
Та, что, имея право на отмщенье,
Смиряет гнев и гонит огорченье;
Та, что не сменит, как обмен ни прост,
Тресковый хрящик на лососий хвост,
Умна, но мыслей открывать не станет,
На ждущих взгляда даже и не взглянет, —
Та будет, — раз уж есть такое диво...

Дездемона

Будет что?

Яго

...Плодить глупышек и цедить полпиво.

Дездемона не понимает.

Даже Кассио говорит о Яго: «Он режет напрямую. Это человек военный, а не ученый».

И если б дело происходило в наши дни, с уверенностью можно было бы сказать, что не прямые указания Шекспира, а самоуничтожение, эти россыпи - с прецизионной точностью указывают, что Яго любит Дездемону, он способен любить.

«Продвижение по службе, - уверен Яго - происходит благодаря рекомендательным письмам и личным симпатиям».

Разве не так?

Яго – не то, чтобы наемник, что-то вроде уголовника, убить Отелло ему ничего не стоит:

Я в ратной службе убивал людей,
Однако долгом совести считаю
Не умерщвлять умышленно. Подчас
Я слишком добр, себе во вред. Раз десять
Я был готов пырнуть его под ребра.

Откуда это в Яго?

«Если мое наружное поведение будет выказывать на людях то, что действительно происходит в моем сердце и каким оно является, то вскоре я стал бы ходить с душой нараспашку, и меня заклевал бы любой простак», - говорит он.

То есть, не генетический злодей.

Дездемона же показывает абсолютное непонимание, кто перед ней.

Жена Яго Эмилия убеждена, что женщины устроены точно так же, как и мужчины, ничто не мешает им вести себя так же, она не видит в измене ничего дурного.

Яго просит Эмилию выкрасть платок, подаренный Яго Дездемоне, та соглашается. Когда Дездемона случайно роняет платок, Эмилия подбирает его и передает мужу. Эмилия, как и ее муж – враг Отелло, враг просто так, без всякой причины, по зову души.

Кассио переживает за Отелло, один из дворян говорит о нем:

Но этот Кассио, хоть весьма утешен
Бедой врага, угрюм и молит Бога,
Чтоб Мавр не пострадал; их разобщила
Неистовая буря.

Однако. Монтано, предшественник Отелло по управлению Кипром, легко верит Яго, что Кассио – алкоголик. Кассио знает, что ему нельзя пить, но Яго без особого труда его уговаривает. Пьяного Кассио подначивает Родриго, затем Кассио убивает Монтано. Быстро приходит в себя, но скорбит не о соратнике, а о своей загубленной репутации, одновременно кутит с Бьянкой, которой увлечен, но не собирается жениться. Вместо того, чтобы понять свой проступок, Кассио, поначалу отказывается, корит себя, но потом все же соглашается с Яго попытаться вернуть свою должность. Причем не путем прямого разговора с Отелло, а через Дездемону – пусть она попросит, так вернее! Следовательно, Кассио – пустышка. И Кассио – враг Отелло. Против него и Родриго, и Брабанцио, и дож.

***

Крещендо: Отелло начинает ревновать. Действие идет импульсами, по нарастающей. Дездемона снова ничего не умеет понять: «Ты болен?»

Отелло
Боль надо лбом какая-то, вот здесь.
Дездемона
Ну да, ты плохо спал; все от того.
Дай, обвяжу покрепче. Через час
Боль перестанет.

Но любит мужчина не красивую холодную статую, а статую, которая отвечает взаимностью. Эмилия рассказывает, как Дездемона обращается с подаренным Отелло платком:

... ей так мил залог,
Врученный как святыня, что она
Не расстанется с ним, его целует
И говорит с ним.

Эта могущественная связь делает положение Отелло безвыходным. Хотя и здесь нестыковка: уже если целует, отчего, уронив, Дездемона тут же забывает о платке и теряет его. Она обеспокоена состоянием Отелло – точнее, ей оттого грустно, она увлекается вслед Отелло – но даже не вспомнила, не вернулась. Новый момент: Отелло еще не знает точно, но уже оскорбил подозрением. Почему? Потому, что ему слишком дорога Дездемона?

... О, пониманье дивное, кивни, кивни – и изумишься: ты свободна,
Ступай к другим, иди, благотвори, ступай к другим, уже написан Вертер...

Какое там. Потому, что за пределами ее мира – враждебный ему мир, точнее – мир перестает существовать.

О, прощайте,
Храпящий конь и звонкая труба,
Бодрящий барабан, визгунья-флейта...
Навек прощайте! Кончен труд Отелло!

Или потому, что велик контраст между поведением Дездемоны и ее предполагаемой скрываемой изменой?

Есть и обратный образ: Оргона, который не желает поверить, что его кумир, обманщик Тартюф, пытается соблазнить его жену Эльмиру, даже когда Тартюф на его глазах лезет к ней под юбку. Что хуже?

Хуже всего то, что Отелло и не пытается выяснить отношения прямо с Дездемоной, он требует от Яго прямых доказательств. Яго обескуражен:

Но как? Как убедиться?
Прийти глазеть, разинув рот, как этот
Ее покрыл?

Ревность Отелло основана исключительно на словах Яго. Но как это может быть? Шекспир старается уверить зрителя, что есть такой особый способ, чуть ли не гипноз, как можно опорочить любимую – влить в душу яду.

Маловероятно. Если двое любят друг друга, и она разлюбит – это сразу видно, это чувствуется за много километров, и никаких доказательств не нужно. Следовательно, наветы третьих лиц не могут играть роль. Представьте, вам скажут, что ваша мама украла шапку на базаре, вы поверите? У Отелло же какая-то патологическая, в духе Сталина, недоверчивость. Отелло доверчив к словам постороннего и крайне недоверчив к самому любимому человеку. Так не бывает. Даже Сталин при всей своей подозрительности прекрасно про себя понимал, что Бухарин, Троцкий или Тухачевский не могли быть немецкими шпионами.

Мы можем долго топтаться на этом месте и не продвинуться ни на шаг. Необходимо отбросить театральщину Шекспира, все нестыковки, всю разумеющуюся при перенесении из эпохи в эпоху непонятность и сосредоточиться на главном.

Отелло просит платок. Дездемона дает – но другой. Отелло просит подаренный. Дездемона лжет, что платок в данный момент не при ней. Теперь слушайте:

Это не простой платок.
Его когда-то матери моей
Дала одна цыганка, чародейка...
Она его мне подарила
Пред смертью, с тем чтоб я, когда женюсь,
Вручил его жене. Я так и сделал.
Храни ж его, как собственный свой глаз.
Страшнее всех несчастий — потерять
Или отдать его.

И как же отвечает Дездемона?
- О, неужели?

И, видя мужа в странно возбужденном состоянии, на требование Отелло сходить за платком, чтоб он его увидел, бьет в ту же рану:

Что ж, я могу, но не хочу сейчас.
Ты ищешь повода мне не ответить.
Прошу тебя, верни на службу Кассио.
Отелло
Достань платок. Я чувствую беду.
Дездемона снова бьет в ту же точку:
Верни его.
Ведь лучшего, чем он, ты не найдешь.
Отелло
Платок!
Дездемона
Нет, нет, поговорим о Кассио.
Отелло
Платок!
Дездемона
Ведь он свое благополучье
Всецело строил на твоей любви,
Делил с тобой опасности...
Отелло
Платок!
Дездемона
Нет, это, право же, нехорошо.

Он говорит с ней о них обоих, Дездемона, не слушая, не слыша его, твердит о Кассио, каждое ее напоминание с машинным сосредоточением ударяет в одну и же рану.

Вот кульминация.

Всё остальное, удушение Дездемоны и самоубийство Отелло – лишь следствия, два тяжелых финальных аккорда.

- Да ты, я вижу, стерва! – воскликнет взбешенный читатель. Но будет прав лишь наполовину. Перед Отелло – пустая абстрактность, незыблемая субстанция. Можно потратить годы на горячие доказательства, вывернуть душу, положить жизнь к ее ногам – но субстанция всё равно упрямо, садистски, будет твердить: «Кассио!»

Любопытно, что Эмилия, которая подобрала платок и не вернула его Дездемоне, точнее – украла его по поручению Яго, ее мужа, да еще солгала на этот счет Дездемоне - в финальной сцене представляет себя олицетворением честности. Глупец, говорит она Отелло.

Но Отелло – не глупец. В отличие от короля Лира, он точно следует тому, что видит и слышит. Вариантов ровно два: либо он полюбил исчадие ада, либо – пустышку, красивую, но глупую и черствую бабу.

Апеллировать не к кому.

В «Короле Лире» необходимый сюжетный атрибут – глупость короля, которая, разумеется, есть отражение эпохи.

У Отелло нет ни преданного шута, ни верного друга, ни Корделии, которая всегда может сказать ему правду в лицо. Все действующие лица – его враги. В том числе любящая жена. Ей стоило бы сразу сказать, что потеряла платок. Но она упорно обещает мужу его принести, хотя знает, что его у нее нет. Он напоминает ей, почему именно важен для него этот платок, но она упрямо не желает понимать.

Яго не может поверить, что бывают благородные женщины. Отелло - верит. Яго его разочаровывает, а они на самом деле есть, так?

Как пишет А. К. Дживилегов: «Сложный психологический узор».

Нет речи ни о злодейски извращенном характере женщины, ни о сексуальном угаре, ни о роковых женщинах.

До эпохи, когда любовь продается и покупается, как товар, осталось сделать шаг. Но кто сказал, что феодальные, сословно-кастовые отношения лучше.

Пушкин, знакомый с творчеством Баркова, прекрасно был осведомлен и сам участвовал:

Иной имел мою Аглаю
За статный вид, за темный ус.
Иной – за деньги, понимаю.
Иной – за то, что был француз.
Клеон – умом ее страдая,
Дамис – за то, что нежно пел.
Теперь скажи, моя Аглая,
За что твой муж тебя имел.

Что не помешало Пушкину написать «Я помню чудное мгновенье...»
Без всяких сомнений, и Шекспир не был наивным мальчиком.

«Иное дело быть живой мишенью
И каждый тыкал пальцем. Но и это
Я вынес бы. И это. Без труда.
Но потерять сокровищницу сердца,
Куда сносил я все, чем был богат.
Но увидеть, что отведен источник
Всего, чем был я жив, пока был жив.
Но узнать, что этим родником питают
Пруды для разведения мерзких жаб...»

На вопрос как его теперь называть после убийства жены Отелло отвечает:
«...Как вам угодно. Женоубийцей из слепой любви. Я жертву чести приносил, как думал».

Казалось бы, последние слова, когда Дездемона скрывает, что ее убил Отелло, доказывают ее правоту:

Никто. Сама. Пускай мой муж меня
Не поминает лихом.

Увы. Чиста и невинна - как продажная Оленька из «Драмы на охоте», та тоже скрывает, что ее убил Камышев. Можем добавить: как Ольга Ларина, как Наталья Гончарова. Как говорил Чарльз Буковски: «Разумеется, человека можно любить - если знаешь его не слишком близко».

Отелло – не механизм для выполнения поставленной задачи уничтожения зла. Он должен ее убить, только после этого сможет дышать, мир обретет простор, а время – протяженность. И себя он убивает не потому, что Дездемона оправдана – ибо она не оправдана, а потому что без нее нет и его, она - будто бы! – заменила ему мир, который оказался чуждым. Действия Отелло – последовательны, необходимы, они вытекают из зоологических свойств окружающего мира. Александр Блок пишет, что «...в Дездемоне Отелло впервые нашел душу свою, впервые обрел собственную душу!»
Скажем по-другому: Дездемона для Отелло – Вселенная. Неожиданно оказывается, что Вселенная подчиняется зоологическим законам. Гибель обоих – фатально неизбежна.

... Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум...

Действие драмы, предсмертные слова Отелло досказывают стихотворение Пушкина.
Что же происходило в это время в Англии?

Ни бунтов, ни восстаний. 1600 год – основана Ост-Индская компания, торгашество становится государственным делом, грядет истребление десятков миллионов индусов. Королева Елизавета не оставила наследника, и в 1603 году престол занял Яков I, сын казненной Марии Стюарт, представитель новой династии. Надежды, возлагаемые на Якова притесняемыми Елизаветой католиками и пуританами не оправдались. При пьянствующем короле усилился нажим на нарождающуюся буржуазию со стороны феодалов. Яков считал себя выдающимся богословом, усилилось влияние церкви, отмечает Г. Бердников (ИВЛ, Т. 4). Обострялся экономический кризис, массы беднели, пишет Дживилегов. До второй в мире буржуазной революции – еще почти четыре десятка лет. Безвременье. Военный конфликт, вспыхнувший было между Венецией и Турцией, гаснет уже в 1-й сцене II действия: буря утопила турецкую эскадру. Кипрские события 1571 года еще помнят – но и только. Уныние вызывает эпоха.

Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,
И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,
И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске знатока искусства,
И вдохновения зажатый рот,
И служащие злу благие чувства.
Все мерзостно, что вижу я вокруг...

В переводе Пастернака – не менее актуально:
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.

«Что развивается в трагедии? какая цель ее? Человек, и народ. Судьба человеческая, судьба народная», - пишет в 1830 году Пушкин.

Кто убил Пушкина? Ничтожный Дантес? Не смешите.

1.10.-4.10.2020